

Социология культуры и образования

© 1998 г.

И.В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

БЕСТУЖЕВ-ЛАДА Игорь Васильевич — зав. сектором социального прогнозирования Института социологии Российской академии наук, профессор социологического факультета МГУ, академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования.

"Ожидаемые и желаемые изменения в системе народного образования России" - так называется очередной, восьмой с 1968 г., исследовательский проект сектора социального прогнозирования Института социологии РАН. По сложившейся традиции, промежуточные отчеты по каждому проекту публиковались в "Социологических исследованиях"¹, а окончательные издавались в виде монографий². Названный проект рассчитан на 1996-2000 гг. и предлагаемая статья охватывает первые три этапа его реализации в 1996-98 гг. Проект осуществляется в сотрудничестве с другими секторами института и рядом школ-лабораторий (школа № 199 г. Москвы, школа № 12 г. Самары и др.). В работе по проекту принимали участие сотрудники сектора Е.Ю. Иванова, Н.П. Гришаева, Е.Ю. Колесникова, Е.И. Проина.

Общая концепция исследования

Как и все предыдущие, проект развивает положения научной школы технологического прогнозирования, заложенные в 20-х гг. В.А. Базаровым-Рудневым и вновь сформулированные рядом американских, западноевропейских и советских ученых в 60-х гг. Как известно, принципиальное отличие технологического от просто прогнозирования - методологическая переориентация разработки прогноза с предугадывания-предсказания на новизность научного исследования ("исследование будущего"), основанного на проблемно-целевом подходе. Имеется в виду анализ и оптимизация трендов - статистическая и/или логическая экстраполяция на будущее тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны. В первом случае выявляются проблемы, подлежащие решению средствами управления. Во втором - оптимальные пути решения таких проблем. Тот и другой прогнозы называются соответственно поисковым и нормативным. Их сопоставление позволяет как бы заранее "взвешивать" возможные последствия намечаемых решений и тем самым повышать уровень их объективности, а следовательно и эффективности.

К сожалению, прогнозное обоснование намечаемых решений входит в антагонистическое противоречие с существующей системой принятия решений. Их готовит аппарат и утверждает руководитель. Прогнозная же оценка выглядит как подрыв его авторитета. Поэтому даже на Западе к ней обращаются далеко не всегда. Обычно заказываются в лучшем случае прогнозы-предсказания. А Россия вообще иной практики не знает. Читателю трудно привыкнуть к мысли, что перед ним не просто очередное "размышление о будущем", попытка предугадывания тех или иных грядущих изменений в системе народного образования (СНО) России, а новизность обычного социологического исследования, правда, с существенной спецификой, обусловленной вероятностным характером предмета. Поэтому оговариваем эту сторону дела специально.

Методический инструментарий технологического прогнозирования включает в себя трендовое моделирование (экстраполяция), аналитическое моделирование (из разного типа моделей мы выбрали прогнозные сценарии) и опрос экспертов. Выбор этих трех методов

диктуется особенностями объекта, предмета и проблемы исследования. Дело в том, что СНО в целом никогда не служила объектом прогностического исследования, тем более, разработки технологического прогноза. Ее перспективы - предмет нашего исследования - не поддаются механической экстраполяции за пределы текущего учебного года (ибо неизвестно, что именно может придти в голову "начальству" в следующем году, - это - неизвестно даже ему самому). Поэтому ограничиться одним лишь трендовым моделированием - основой всякого технологического прогноза - невозможно. С другой стороны, общеизвестные недочеты нашей документальной базы и специальной литературы не позволяют ограничиться только изучением источников и построенных на них сочинений, не говоря уже о чисто умозрительных писаниях, представляющих специфический интерес³. Горький опыт предыдущих исследовательских проектов наглядно показал ограниченность возможностей в прогностическом исследовании опросов "обычных" респондентов (неэкспертов), которые отличаются жестким презентизмом мышления, т.е. органически неспособны представить себе прошлое и будущее отличным от привычного им настоящего. Кстати, тем же в той или иной степени страдают и многие эксперты, на чем мы специально остановимся ниже. Но с экспертами при определенном подходе дело не всегда безнадежно, а с неэкспертами получается лишь в исключительных случаях.

Если добавить, что методы наблюдения и особенно прогностические выводы из него трудно верифицируемы, что любая экспериментальная работа в сфере СНО - и не только в ней - никогда и нигде не имела прогностного обоснования, наконец, что математическое моделирование в социологических исследованиях, вообще и по проблемам СНО, в особенности, находится, по сути, в эмбриональном состоянии, то нетрудно понять, почему пришлось остановиться на вышеперечисленных методах.

Коль скоро целью предпринимаемого исследования провозглашается не предвосхищение состояния объекта в будущем, а содействие повышению уровня управляемости его развитием, то задачи, определяющие структуру исследования, целиком укладываются в алгоритм разработки технологического прогноза: построение исходной модели хотя бы в виде упорядоченной совокупности количественных и качественных показателей, как профильных, так и фоновых, поисковая и нормативная разработка их, верификация полученных прогнозных моделей, в данном случае, - сценариев, наконец, выработка рекомендаций для сферы управления (собственно прогностное обоснование возможных изменений). Общая теоретико-методологическая гипотеза была сформулирована следующим образом: группа экспертов в состоянии дать достаточно объективные прогнозные оценки, на основе которых могут быть разработаны поисковые и нормативные прогнозные сценарии исследуемого объекта, а те, в свою очередь, достаточно надежно верифицированы силами той же или иной группы экспертов; если подобрать достаточно сбалансированную по различным критериям группу экспертов и применить хорошо продуманную методику опроса, то есть основания рассчитывать на удовлетворительную степень объективизации неизбежных в какой-то мере поначалу субъективных оценок отдельных экспертов; если применить панельный метод, т.е. проводить опросы экспертов систематически, то степень объективности экспертных оценок будет повышаться от тура к туру только по одному лишь "эффекту самообучения" экспертов.

Так еще в предыдущем исследовательском проекте авторский коллектив подошел к идее экспертного сценарно-прогностического мониторинга (ЭСМП), которая подлежала реализации и на этот раз.

Остается сказать несколько слов об эшелонах прогнозирования. Цель и задачи исследования исключали разработку текущих (на текущий год) и краткосрочных (на несколько последующих лет) прогнозов, поскольку развитие СНО в этом временном диапазоне полностью предопределено существующей ситуацией, и любые радикальные изменения практически могут произойти только в виде непредсказуемых политических катаклизмов типа смены режима или поражения в крупномасштабной войне или крупномасштабного стихийного бедствия. Все остальное - даже детально разработанная доктрина кардинальной реформы, которой пока нет и в помине - потребует сравнительно долгих лет перехода от инерционного развития к инновационному. Поэтому в намеченном плане имело смысл разрабатывать лишь среднесрочный (ориентировочно на первое десятилетие грядущего столетия) и в ряде отношений долгосрочный прогноз (на первую четверть XXI века). С другой стороны, представлялся неуместным сверхдолгосрочный прогноз (на весь XXI век), ибо накоплено слишком много данных прогнозного фона, убедительно свидетельствующих о том, что в таком временном диапазоне следует ожидать качественных изменений образа жизни людей, вообще и условий развития СНО, в частности, причем есть много оснований

ожидать крушения евроамериканоцентристской цивилизации, включая одну из ее окраин - Россию, если человечество не найдет в себе силы перейти от существующего положения вещей к альтернативной цивилизации, способной оптимально решить неразрешимые ныне катастрофические глобальные проблемы современности⁴.

Первоначально казалось, что подобрав достаточно консолидированную группу достаточно компетентных экспертов, можно будет опрашивать их по одному и тому же вопросу чуть ли не ежемесячно - и тем самым как бы "отслеживать" изучаемый процесс, сопоставляя меняющиеся оценки. Однако уже в предыдущем исследовании выяснилось, что на объектах высокой степени сложности - таких, как государство или любая отрасль общественного производства, не исключая СНО - эксперты не успевают "перестраиваться" чаще, чем минимум раз в год, иначе просто повторяют свои прежние оценки. Пришлось ограничиться всего пятью турами на протяжении пятилетнего исследования. А затем сложности работы с экспертами стали возрастать в такой степени, что к началу настоящего исследования эксперт сделался как бы вторым, параллельным, самодовлеющим объектом исследования, наряду с СНО.

Одно время даже возникал соблазн целиком переориентировать исследование с изучения СНО на изучение самого эксперта. Но этого не дали сделать школы-лаборатории, как активные участники исследования. Их представителей меньше всего интересует прогностическая "кухня" - эксперты, сценарии, экстраполяция и пр., гораздо больше - что станет с СНО и что делать с СНО? Пришлось пойти, как говорится, навстречу пожеланиям трудящихся - в данном случае, учителей - и заняться обоими объектами параллельно. Однако, в отличие от практика-педагога социологов интересует прежде всего как раз именно "кухня" всякого исследования: какие именно "повара" и как именно готовили то или иное подаваемое на стол блюдо.

Вот почему, прежде чем мы перейдем к собственно ожидаемым и желаемым изменениям СНО глазами экспертов, в социологической аудитории нельзя не остановиться на особенностях получения экспертной оценки в технологическом прогнозе.

Эксперт в прогностическом исследовании

Еще лет 10-15 назад на одном из постоянно действующих семинаров сектора социального прогнозирования, а именно на семинаре "Детсад 2000 года", объединившем несколько десятков наиболее конструктивно мыслящих представителей дошкольных учреждений Москвы и ряда других городов СССР, его участники сделали пренеприятнейшее открытие. Они обнаружили, что дошкольная сфера, являясь объектом исследования, скрывает в себе целых четырех субъектов, не только не тождественных друг другу, но с качественно различными, в некоторых отношениях прямо противоположными целями и смыслом своего функционирования в данной подсистеме СНО.

Оказывается, дети приходят в детсад вовсе не для того, для чего их посылают туда родители, встречают воспитатели и ожидают управленцы. Они приходят только для того, чтобы поиграть и пообщаться. И если бы были в состоянии избавиться от насилия со стороны более могущественных "партнеров", навязывающих совсем иные занятия - были бы безмерно счастливы. Со своей стороны, родители посылают их в детсад вовсе не для развлечения, а за тем же самым, за чем шагают на выставку собак со своим еще одним любимцем: чтобы тот нахватал возможно больше медалей (в смысле: был выдрессирован для поступления в возможно более престижное учебное заведение). В свою очередь, воспитателя совершенно не волнует ни то, ни другое. Его, как и всякого нормального работника, интересуют в первую очередь условия и оплата его труда. Чему он и старается подчинить жизнедеятельность вверенной ему группы. Наконец, для всякого управленца важнее всего формальная отчетность и тем самым спасение от вышестоящего начальства. Что, как нетрудно понять, совершенно безразлично и для детей, и для родителей, и для воспитателей.

Наверное, было бы заблуждением полагать, будто вышеописанный "классовый антагонизм" имеет место быть только в дошкольной сфере. И даже только в СНО.

Так вот, возникает вопрос: чьи именно "классовые" интересы отражает тот или иной эксперт, будь он даже семи пядей во лбу и стопроцентно добросовестен? Отражать все разом он не может, ибо они изначально антагонистичны. Он может либо отражать интересы кого-то из сильнейших - управленцев, воспитателей, реже родителей. И уж вряд ли слабейших в этом конгломерате - детей. Либо попытаться придти к какому-то согласованию противоречивых интересов по критерию социальной эффективности, т.е. степени

содействия оптимальному решению социальных проблем общества. Но для этого требуется социологическая и психологическая служба прогнозной экспертизы, помогающая эксперту подняться не только над собственными предубеждениями, но и над "узкоклассовыми" интересами одного из субъектов прогнозируемого объекта.

Таков был первый вывод, легший в основу программы обучения и самообучения экспертов от тура к туру прогностического мониторинга. Практически речь идет о своевременном снабжении эксперта соответствующей информацией.

Второй момент касается способов формирования экспертной группы.

В предыдущем исследовании, где объектом являлась Россия в целом, мы пытались добиться удовлетворительной репрезентативности экспертной группы, подбирая экспертов по всему диапазону политического спектра - от "коммунистов" до "демократов", сочетая в примерно равных пропорциях экспертов пенсионного и предпенсионного возраста (иных в нашей геронтократической стране не бывает), а главное - сочетая в примерно равных пропорциях экспертов-ученых, экспертов-политиков, экспертов-деятели культуры и экспертов-общественных деятелей из числа не втянувшихся в политику. Применительно к настоящему исследованию это эксперты-педагоги, эксперты-управленцы, эксперты-представители родительской общественности, вообще общественности страны, до думских депутатов включительно, наконец, эксперты-научные работники, ближе всего знакомые с проблемой ожидаемых и желаемых изменений в СНО.

Здесь возникли понятные трудности, связанные прежде всего с тем, что почти любая экспертиза у нас, в отличие от цивилизованных стран мира, не является платной, не влияет на престиж и заработок эксперта, а делается обычно из личного одолжения руководителю исследования, как и положено в стране с тысячелетними авторитарно-личностными традициями. Эти трудности пришлось преодолевать, чтобы придти к еще одному важному методологическому выводу: невзирая ни на какие трудности, должна быть обеспечена полная репрезентативность и должная пропорциональность экспертной группы сообразно критериям, обусловленным целями и задачами исследования. Если нет возможностей сформировать многокомпонентную группу, лучше ограничиться двухкомпонентной или даже однокомпонентной, заранее оговорив специфичность ее оценок, чем выдавать однокомпонентную нужду за многокомпонентную добродетель.

Третий момент связан со структурой личности эксперта. Как уже говорилось, далеко не все эксперты способны давать прогнозные оценки, хотя вполне справляются с анализом и диагнозом. В сфере СНО таких презентистски мыслящих экспертов - подавляющее большинство, в некоторых случаях до девяти из каждых десяти. Однако, как показывает опыт, эксперты, в отличие от неэкспертов гораздо легче поддаются самообучению, если создавать им соответствующие условия, и пусть не все, но значительная часть начинает переходить от диагноза к прогнозу. Правда, для многих ожидаемое будущее, как у обычного респондента, практически совпадает с желаемым, а желаемое тождественно настоящему, минус наиболее огорчающие недочеты. Но некоторые поэтапно выходят на действительно прогностическое мышление, а иным оно свойственно изначально. Понятно, к тем и другим желателен и необходим особый подход.

С учетом сказанного, пять туров мониторинга методически выстроились в следующем порядке.

Первый тур: зондаж, пробный опрос наиболее конструктивно мыслящих экспертов с целью составления анкеты последующего генерального опроса; по сути, на этом этапе эксперт выступает как один из выработанных нами в предыдущих исследованиях инструментов компоновки вопросов анкеты - наряду с такими, как контент-анализ соответствующих текстов и др. Этот этап завершен в 1996 г.

Второй тур: опрос примерно шестидесяти экспертов, подобранных в соответствии с вышперечисленными критериями репрезентативности группы в целом, по анкете, составленной на основе материалов, полученных в первом туре. Пилотаж показал, что расширение экспертной группы за пределы такого масштаба не дает существенного приращения информации. Значительное же сужение группы сразу резко повышает риск односторонности групповых оценок. Кроме того, презентизм мышления большинства экспертов заставил отобрать из них шестнадцать наиболее авторитетных по своему формальному статусу. С каждым из них, в дополнение к анкете, было проведено углубленное интервью, и в некоторых случаях получилось значительное приращение новой информации. Этот этап завершен в 1997 г.

Третий тур: опрос отобранных во втором туре экспертов в виде их реакции на предъявленную им идеальную модель СНО РФ (желаемое состояние без учета ограничений прог-

нозного фона, в качестве своего рода социального ориентира дальнейшего развития системы). Такой подход составляет как бы серию контрольных вопросов, позволяющих эксперту уточнить свою предыдущую оценку, а исследователю - основательнее оценить степень объективности экспертной оценки. Сама идеальная модель опубликована⁵. Этот этап завершается в 1998 г.

Четвертый тур: опрос экспертов, давших наиболее конструктивные прогнозные оценки в предыдущем туре, в виде их реакции на один или несколько проектов радикальной реформы СНО, типа тех, которые были отвергнуты правительством РФ в декабре 1997 г., но почти наверняка всплывут вновь в том или ином виде на протяжении ближайших месяцев, так как положение СНО РФ катастрофически ухудшается и необходимость коренной реформы осознается все более глубоко. Если же вопрос о реформе будет вновь отложен - не исключен и такой вариант, — то придется разрабатывать соответствующий имитационный документ силами самих исследователей. В отличие от идеальной модели, это будет по сути оптимизационная модель с учетом всех основных ограничений прогнозного фона, прежде всего, финансовых и кадровых. Тем легче будет получить адекватные прогнозные оценки экспертов, учитывающих возможные последствия намечаемых конкретных решений. Этот этап планируется завершить в 1999 г.

Пятый тур: экспертиза отчетных документов исследования, по сути их предварительная верификация методом опроса экспертов.

Перспективы СНО РФ глазами экспертов

Прогнозные оценки экспертов можно условно подразделить на три категории: в первую входят те, на которых сошлись все или почти все эксперты, либо во всяком случае подавляющее большинство из них, кроме нескольких аутсайдеров (консенсусные оценки, которым будет уделено основное внимание ниже); во вторую - те, по которым оценки экспертов разошлись в более или менее значительных пропорциях (дискуссионные оценки); в третью - те, по которым у подавляющего большинства экспертов не сложилось определенного мнения (неопределенные, уклончивые оценки). Две последние категории в каждом отдельном случае оговариваются специально, и если такой оговорки нет, - значит, подразумевается первая из перечисленных категорий.

Наибольшая согласованность оценок была достигнута в поисковом прогнозе. Практически никто из экспертов не оценил существующее на 1998 год положение СНО РФ как хорошее или хотя бы удовлетворительное, или хотя бы стабилизирующееся, переходящее от ухудшающегося к улучшающемуся. Почти никто не высказал мнения о возможности "саморегуляции" системы без серьезного совершенствования ее. Эксперты почти единодушно констатировали наличие тенденции к ухудшению положения. Расхождение мнений проявлялось лишь в оценке конечных стадий наблюдаемого процесса. Одни эксперты говорили о неизбежности перерастания при наблюдаемых тенденциях существующей проблемной ситуации СНО в критическую и далее в катастрофическую, после чего радикальные реформы станут неизбежными под страхом стихийного возникновения на руинах старого качественно новых и не обязательно оптимальных систем, как это было, например, в 1917—20 гг. Другие выражали уверенность или по меньшей мере надежду, что власти в близком будущем осознают серьезность положения и постараются переломить губительные тенденции радикальной реформой СНО. Весьма основательны были аналитические и диагностические оценки экспертов касательно проблем, стоящих перед СНО РФ.

Гораздо менее согласованными оказались нормативные прогнозные оценки. Наибольший консенсус был достигнут по вопросу о том, что настоятельно необходим отказ от пресловутого, стократ всеми осужденного, но столь живучего "школоцентризма" (сведения сложной системы образования только к подсистемам начальной, средней и высшей школы с игнорированием примерно полудюжины других, не менее важных для полноценной СНО в целом), необходимо разворачивание СНО в виде последовательного ряда таких равнопорядковых подсистем как всеобщее образование родителей, всеобщее дошкольное образование, всеобщая начальная и средняя школа, специальная средняя и высшая школа, подсистема постоянного повышения квалификации и систематической переподготовки кадров, подсистема общего самообразования взрослых, подсистема дополнительного (внешкольного) образования. А вот по вопросу о том, что именно должна представлять собой каждая из перечисленных подсистем, мнения экспертов разошлись более или менее значительно.

В подсистеме образования родителей эксперты-"максималисты" требовали возобнов-

ления в школе курса "Этика и психология семейной жизни", "сексуального ликбеза" для подростков, массами начинающих сегодня половую жизнь задолго до 18 лет, сети университетов будущего и молодого родителя, начинающих бабушек и дедушек. "Минималисты" выражали готовность ограничиться просветительной литературой, радиотелепередачами, дисками-кассетами, компьютерными программами соответствующего профиля, всячески предостерегая против любого принуждения в столь деликатных вопросах⁶.

В подсистеме дошкольного образования "минималисты" выступали за восстановление прежней сети дошкольных учреждений, разрушенной хищничеством "коммерческих структур", весьма лакомых до детсадовских участков, с исправлением лишь общеизвестных недочетов прежнего положения вещей. "Максималисты" настаивали на всеобщем бесплатном дошкольном образовании путем создания сети дошкольных центров со стопроцентным охватом детского контингента в разных режимах работы — от прогулочных и оздоровительных групп до стационаров. Предусматривалось существенное повышение на этом уровне качества образования - вплоть до хорошо поставленной физической культуры, этики и эстетики, начальной культуры физического и умственного труда, азов естество- и обществознания, умения читать, считать и писать или хотя бы владеть элементами рисунка и письма.

В подсистемах начальной и средней школы почти единодушно обращалось внимание на необходимость своевременной профориентации учащихся, выявления их действительных, а не только псевдопрестижных склонностей и тем более реальных способностей, на гуманизацию и гуманитаризацию школьного образования. Под первой "минималисты" подразумевали недопустимость унижения личности учащихся (не посягая на существующее положение вещей), а под второй - увеличение в школьной программе удельного веса гуманитарных дисциплин с целью более действенного воспитания учащихся. "Максималисты" разумели под первой более сложный комплекс мер, охватывающих дифференциацию образования по основным социальным типам учащихся (базовые программы, рассчитанные на обычного "троечника"; "продвинутые" для более способных; коррекционные для нуждающихся в особом подходе; ознакомительные для желающих лишь познакомиться в общих чертах с той или иной дисциплиной; наконец, специализированные для собирающихся специализироваться по данному предмету), демократизацию образования с расширением участия в жизни школы родительского актива и с постепенным приучением школьника к самостоятельному принятию житейских решений, отказ от унижения личности учащегося существующей системой публично-репрессивных оценок с переходом на зачетную или любую другую более современную систему, отказ от чудовищной перегрузки учащихся с переносом части занятий в подсистему дополнительного образования, "на интерес" (см. ниже). А под второй - развитие у школьника мировоззренческой, физической, научной, художественной, этической, правовой, политической, религиозной культуры, чего невозможно достичь одним лишь увеличением "часов" на гуманитарные предметы, тем более, что эксперты почти единодушно выступали против существующей вакханалии введения в школе все новых и новых дисциплин.

Большой разброс экспертных оценок наблюдался в подсистеме специального среднего образования. Большинство экспертов выражало готовность удовлетвориться введением 12-летнего обучения желающих ("принудилка" категорически отвергалась всеми экспертами во всех подсистемах СНО) и совершенствованием существующей системы профессиональных училищ. Лишь некоторые подчеркивали необходимость удерживать молодежь в одном социальном институте (школе) до начала массового перехода ее в другой социальный институт - своей новой семьи, имея в виду полное крушение для подростка и тем более для молодого человека такого социального института, как родительская семья, и неизбежность в связи с этим криминализации молодежи, оказывающейся вне социальных институтов общества. И лишь единицы разделяли идею о необходимости всеобщего среднего специального образования в виде системы профессиональных колледжей для молодежи 16-20 лет, где студенты первые два года, как и сегодня, получали бы достаточно основательную базовую подготовку пополам с производственной практикой, а остальные три года посвящали стажерству по месту будущей работы со сдачей минимумов по типу аспирантских и с защитой диплома по типу вузовского⁷.

Зато поразительное единодушие проявили эксперты в подсистеме высшей школы. Они дружно осудили огульный подход, сводящийся к тому, что студентов всех скопом надо учить одинаково столько лет, сколько удастся отскандалить у правительства. Дружно высказались за разделение вуза на бакалавриат, магистратуру и докторантуру. Разногласия вызвала лишь концепция того, другой и третьей. В наиболее радикальном варианте пред-

лагался двухлетний бакалавриат с четырехлетней стажировкой по месту будущей работы, включая сдачу профильных и общеобразовательных минимумов и дипломную работу. Это - для будущих "практиков", составляющих не менее двух третей современного студенчества. Для "теоретиков" - еще два года магистерской подготовки, с соответствующим уменьшением стажерства (примерно четверть студентов). Наконец, считанные проценты студентов - будущие научные работники, вузовские преподаватели, врачи и др. - дополнительно проходят двухлетнюю докторантуру при персональном научном руководителе. При этом подразумевается отказ от профанации подготовки научных кадров в виде "защиты диссертаций" старцами предпенсионного и тем более пенсионного возраста, когда действительная квалификация работника и без того ясна его трудами.

Высокая степень согласованности экспертных оценок наблюдалась и в подсистемах повышения квалификации/переподготовки кадров и общего самообразования взрослых. Правда, только в принципе - в смысле признания полного бессистемья, подлежащего преобразованию в систему, в первой; констатации недопустимости развала сети вечерних университетов без замены их чем-то конструктивным, во второй. А далее начиналась разногласия, свидетельствующая о почти нулевой степени разработанности той и другой проблемы в теоретической педагогике. Далее благих пожеланий — разных у каждого эксперта, дело не шло.

Примерно такое же положение наблюдалось и в подсистеме дополнительного образования. Констатировалась невозможность возвращения к прежнему положению вещей с домами пионеров и т.п., и вместе с тем на примерах уцелевших внешкольных учреждений показывалась возможность и желательность создания эффективной подсистемы, в принципе способной взять на себя в качестве сети школьных клубов по интересам - в том числе в зданиях самих школ - значительную часть нынешней образовательной нагрузки, только не "принудилкой", а "на интерес".

Сводный экспертный прогноз СНО РФ

Если свести воедино экспертные оценки и попытаться представить долгосрочный технологический прогноз СНО РФ на первую четверть XXI века в самом сжатом изложении, получается следующая картина.

Исходная ситуация. Советская школа была ориентирована на подготовку дипломированных специалистов (ДС). В них поначалу ощущался такой дефицит, что даже начинающим ДС платили вдвое больше, чем опытному специалисту без диплома (НДС). К 70-м гг. дефицит изжили и началось "перепроизводство" ДС. Экономика ответила на это тем, что дефицитный НДС стал получать вдвое-втрое больше, чем ДС. Тогда миллионы ДС стали переходить на вакансии НДС, массами уходивших на пенсию. Получился тупик. Образно говоря, чем больше кончало среднюю школу и вуз - тем больше становилось грузчиков с дипломом, очень недовольных таким поворотом дела.

При этом выяснилось, что стать полноценными ДС органически способно не более 20% школьников - да больше в вуз и не было возможности принимать. А ориентированы на вуз были, по данным социологических опросов, до 88%⁸. Большинство школьников не могли освоить предлагавшуюся им учебную программу, хотя прекрасно осваивали другую, не менее нужную производству, но считавшуюся непрестижной. А вдалбливали всем одно и то же огулом, да еще позоря "двойками", вызовами родителей и пр. В результате началось массовое ожесточение подростков, и школа превратилась во второй по масштабам - после неблагополучной семьи - социальный источник преступности. К 1974 г. была осознана необходимость школьной реформы⁹, но она не состоялась. Вместо нее с 1992 г. пошла стихийная деформация СНО - приспособление к новым условиям.

Проблемный (поисковый) прогноз. Если предположить сохранение наблюдаемых в 1992-98 гг. тенденций, то на протяжении обозримого будущего будет продолжаться массовый отток детей, подростков, молодежи из необязательной более для них и отталкивающей их в ее современном виде школы. Счет пойдет - уже идет! - на миллионы, десятки процентов подрастающего поколения. Кроме того, продолжится распад школы на платную (в том числе зарубежную) - привилегированную, с гарантией благополучной карьеры выходцев из состоятельных семей (около 20% населения современной России) и все более деградирующую от безденежья, бесплатную для остального населения. Это означает, что школа не только будет продолжать оставаться все более значительным социальным источником криминализации общества, но и будет становиться инструментом ускорения и упрочения

классового расслоения, вызывающего, при существующем положении вещей, угрозу социального взрыва. Иными словами, СНО будет все более походить на бразильскую или индийскую, а массовое сознание людей остается кубинским или иракским. Что чревато неизбежной катастрофой.

Целевой (нормативный) прогноз. Цель СНО - подготовить развитую Личность, хорошего Родителя, Работника, Гражданина. Это требует отказа от понимания образования как средства получения диплома и престижной работы, что для всех немыслимо. Требуется отказ от пресловутого "школоцентризма" и развертывания СНО в целых девять равнопорядковых подсистем: образование родителей, всеобщее дошкольное образование, всеобщая начальная, средняя и специальная средняя школа (последняя - для молодежи 16-20 лет, которую, во избежание ее криминализации, необходимо удержать в данной подсистеме вплоть до стажерства по месту будущей работы), высшая школа (для склонных и способных к профессиям ДС без расчета на невозможную ныне повышенную плату только за диплом), подсистемы постоянного повышения квалификации и периодической переподготовки кадров, общего самообразования взрослых, дополнительного образования (школьные клубы по интересам - бывшие дома пионеров и др. внешкольные учреждения).

При этом необходимы:

- отказ от огульного подхода к учащимся и дифференциация школьных программ на базовые, "продвинутые", коррекционные, ознакомительные и специализированные;
- отказ от унижения личности учащегося существующей репрессивной системой оценок успеваемости, с переходом на зачетную или любую другую, более гуманную систему, принятую в современной педагогике;
- отказ от чудовищной перегрузки учащихся уроками и домашними заданиями, что вызывается порочной системой оплаты труда учителя (чем больше уроков - тем выше зарплата). Необходимо уравнение рабочей (учебной) недели учащихся (включая домашние задания) с рабочей неделей взрослых и перенос возможно большей части необязательных занятий из сферы принуждения в сферу интереса, т.е. в подсистему дополнительного образования.

Наконец, следует отметить, что практически все эксперты единодушно признали компьютеризацию образования одним из важнейших факторов перемен, требующим радикальной перестройки всех педагогических технологий с учетом необходимости работы в диалоговом режиме с компьютером. Однако эта тема, на наш взгляд, составляет предмет специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ "Социологические исследования", 1974, 2; 1975, 1; 1976, 2; 1977, 1; 1979, 1; 1980, 2; 1981, 1; 1982, 1; 1984, 4; 1987, 2; 1990, 8 и 11; 1991, 5, 9 и 12; 1993, 8 и 11.

² Прогнозирование в социологических исследованиях. М.: Мысль, 1978; Прогнозирование социальных потребностей молодежи. М.: Наука, 1978; Социальные показатели образа жизни советского общества. М.: Наука, 1980; Поиск социального прогнозирования. Перспективные проблемы общества. Опыт систематизации. М.: Наука, 1984; Нормативное социальное прогнозирование. Возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. М.: Наука, 1987; Прогнозное обоснование социальных нововведений. М.: Наука, 1993; I fondamenti metodologici della previsione tecnologica. Istituto di sociologia internazionale. Gorizia, Italia, 1997 (на русском языке под заглавием "Перспективы процесса трансформации России. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг" выходит в 1998 в изд. МГУ).

³ В качестве типичного образца не столь уже редко встречающейся псевдопрогностической литературы можно назвать книжку некоего Б. Гершунского "Россия: образование и будущее", выпущенной Челябинским филиалом Института профобразования в 1993 году.

⁴ См. *Бестужев-Лада И.В.* Россия накануне XXI века: 1904-2004 - от колосса к коллапсу и обратно. М.: Роспедагентство, 1997; Его же. Альтернативная цивилизация: почему и какая? М.: Владос, 1998.

⁵ "Педагогика", 1998, 4.

⁶ Многие эксперты разделяли идею о необходимости более широкого вовлечения родительской общественности в работу дошкольных и школьных учреждений в качестве помощников воспитателя или педагога (на внеклассных занятиях).

⁷ Подсистема всеобщего специального среднего образования подразумевает переход к профессиональной армии с подготовкой обученного резерва в военных училищах, после которых необязательно идти контрактником в армию, а также на военных кафедрах всех училищ любого профиля.

⁸ См. *Шубкин В.Н.* Социологические опыты. М.: Мысль, 1970, с. 205.

⁹ Прогнозирование развития школы и педагогической науки. Изд. АПН СССР, ч. 1-2, М., 1974.